

ИСТОРИЯ 1

Знакомство

Экзамен на леди Хэйвуд

Ночью умерла Валя Лер.

Её даже не перевели в лазарет, так и вынесли из дортуара — тёплую, удивлённую. Девчонки спали, никто ничего не видел. Не заметила бы и Элеонора, если бы не проснулась от запаха ладана, разъедающего глаза. Она изо всех сил всмотрелась во мглу — как выносили Лер, как поблёскивал колокольчик в руках Его преподобия, — и затаилась.

В дверях отец Илейн остановился, окинув взглядом душный дортуар. Колокольчик звякнул в последний раз, дверь затворилась, и всё смолкло. Элеонора лежала, глядя, как тянутся тени, как пролетают по потолку пятна от светильков *водящих*. Сквозь липнувший к стёклам туман сочилось предпраздничное ланда-ниумское утро.

Элеонора мёрзла и думала о маме, в который раз надеясь, что в те последние дни ей не было так же зябко, как здесь. Если бы только вернуть всё назад ... Она не оставалась бы так послушно в своей комнате, не верила бы так беспечно отцу, утверждавшему, что маме нужно отдохнуть, что она спит. Если бы хоть увидеть ...

Но в этот-то раз, уже совсем скоро, всё должно получиться: нужный день выпадал на уикенд; её отпустят из семинарии, и ...

«Довольно, Элеонора, — приказала она себе. — Нечего предаваться надеждам. Ещё не время».

Но сон не шёл, и, чтобы прогнать тоскливые мысли, она принялась перебирать в уме экзаменационные вопросы. С литературой всё было неплохо; с нудной геральдикой — тоже никаких проблем. Физика давалась с трудом, но в конце концов Элеонора одолела и её. И только химия, её страсть и страх, вызывала настоящий трепет. Элеонора обожала электролиты, гидролиз и сложные смеси — всё, о чём толковал отец и рассказывали «Огни Онивы», но терпеть не могла семинарские занятия, посвящённые миазмам тумана и коксованию угля. Это были словно две разные науки: химия настоящая, брызжущая фонтанами аммония, яркая и опасная, готовая служить тем, кто в силах её обуздать; и химия сухая, выхолощенная, имеющая дело лишь с закорючатыми представлениями и древними таблицами, затхлая и дребезжащая, как преподававший её сэр Эйтклас. Он требовал неукоснительно следовать учебнику, и Элеонора не раз оставалась без обеда за «неподобающее любопытство», «споры с наставником» и «излишнюю инициативу».

Этой ночью, как и весь последний год, она боялась, что, попадись ей вопросы по химии, она не удержится и изложит экзаменатору собственные взгляды.

Обуздать себя — это было так просто. Со времён знакомства с сэром Хэйвудом это удавалось Элеоноре всегда и во всём. Кроме химии. «Но в этот раз, — думала она, чувствуя, как наконец подступает дрёма, — в этот раз всё получится. Не может не получиться. Слишком многое...»

Мысли путались.

«... поставлено на карту. Лишь бы...»

Сон наваливался и скользил, податливый, мягкий, как сливочное масло.

«... не химия», — мелькнуло за миг до того, как звонок прозвенел к подъёму.

* * *

— Мисс. Леди, — сухо поздоровалась мисс Тмин, усаживаясь во главе стола. — Сегодня я попрошу вас быть особенно деликатными.

Первое. После полудня нашим выпускницам, — сдержанный взгляд поверх пенсне упал на стол выпускного класса, — предстоит важный экзамен. Второе. Уже сегодня мы начнём готовиться к Фоггногу. И наконец. — Директриса прокашлялась, сжала в пальцах серебряную вилку и решительно закончила: — К всеобщему прискорбию, в Ланданиум пришла новая Волна.

Шёпот, поднявшийся в столовой, пресёк звон вилки о бокал.

— Однако это не повод забывать о своих обязанностях! Прошу вас всячески избегать паники, а также приложить все усилия к подготовке. Сразу после обеда третье и второе отделение отправятся на те-солентский рынок за яйцами и цукатами...

Прервать восторженные перешёптывания после этого не смог даже привычный звон. Чтобы в столовой вновь стало тихо, понадобился повелительный возглас:

— Мисс! Леди! Помните о приличиях!

Элеонора с лёгкой завистью оглянулась на младших. Её поездки за цукатами остались в прошлом, а сомнительное удовольствие отобедать в высокой гостиной она не раздумывая променяла бы на весёлую прогулку в Те-солент.

Впрочем, учитывая Волну, прогулка вряд ли будет весёлой. Наставницы будут смотреть за порядком строже обычного, а половина лавок и павильонов закроется на карантин — совершенно бессмысленный, ибо ещё никто и никогда не угадывал причин Волны.

...Огни газовых рожков отражались в оловянных чашках. Разносили второе. Пахучий золотарник, украшавший столы в канун Фоггнога, напомнил Элеоноре букеты, которые присылал сэр Хэйвуд. Она с тоской вспомнила, что следующая встреча придётся на первый день после праздника, и сердито воткнула вилку в кусок варёной рыбы — «мертвечины», как прозвала её острая на язык Лада Иволоу.

«Мертвечина, — подумала Элеонора о сэре Хэйвуде, воскресив в памяти бледное лицо, синие от щетины скулы и прозрачные поблёскивавшие глаза. — Самая настоящая мертвечина».

Воспоминание испортило аппетит, и она съела едва ли половину порции, а потому к полудню была голодна как волк. Но перед самым обедом по семинарии разлетелся слух о пропаже Лер, следом к крыльцу начали подъезжать кареты экзаменаторов, а Агнии Нель, кухне Вали, пришло известие, что её отец болен. «Волна», — пронеслось по этажам, и аппетит отбило уже у всех.

Младших со всевозможными предосторожностями поскорей увезли на рынок. Подавленные выпускницы остались одни в просторной столовой, переглядываясь, ковыряясь в холодном рисе и пытаясь повторять апологетику¹, физику и ботанику.

Элеонора допила зелёный чай и, мельком глянув на своё отражение в ложке, пригладила волосы — ей хватило случая в прошлом году, когда из-за выбившегося локона пришлось неделю обедать за чёрным столом. Затем она поднялась и решительно пошла к кабинету, возле которого зубрила Додо Ленциг уже устроилась с «Нравоучительными историческими текстами, приличествующими благородным девицам».

* * *

Как бы им ни хотелось оттянуть этот час, он пришёл.

Элеонора опустила похолодевшие пальцы в мешочек. Поворошила бумажки. Только не химия. Пожалуйста, только не химия. Пусть даже архитектура. Пусть даже ненавистная путаная геральдика! Только не хи...

— Смелее, леди Кэнделнайт, — поторопила мисс Тмин. Сэр Эйтклас, стоявший неподалёку, свирепо буравил её глазами. Элеонора выдернула на свет бумажку. Буквы прыгали перед глазами, отказываясь складываться в слова, но на «Х» начинался лишь один предмет. Сердце упало, а директриса уже прищурилась, разглядывая бумажку через пенсне.

.....
¹ Апологетика — раздел богословия, посвящённый обоснованию вероучения с помощью рациональных аргументов.

— Химия? Вашим экзаменатором будет сэр Валентайн, изыскатель и второй советник curia regis¹. Не уроните честь семинарии!

Последняя фраза прозвучала почти с угрозой. Мисс Тмин подтолкнула Элеонору к крайнему столу и указала на джентльмена в сюртуке, затканном серебряной нитью. Элеонора подняла глаза — и встретила с холодным насмешливым взглядом. Экзаменатор смотрел на неё не мигая, вместо того чтобы изучать метрику².

Обрывки формул толкались в памяти. Перед глазами стояло изумрудно-зелёное собрание статей «Ланданиумского общества химиков-изыскателей». Элеонора определённо видела в оглавлении имя «Павел Ирнест Валентайн». Но под какой статьёй? «Фарма тумана»? «Состав слезы»? Может быть, «КПД вечного света»?.. И ещё те смутные статьи, слухи, что сэр Ирнест Валентайн имел разногласия со служителями соборов...

— Итак, леди Кэнделнайт, — произнёс экзаменатор. Его голос оказался низким, опасно-мелодичным. Он дождался, пока Элеонора подойдёт к столу, и, всё так же не отводя взгляда, церемонно кивнул. — О чём вы хотели бы побеседовать?

О чём... побеседовать? Тему выбирает экзаменатор. По крайней мере, им говорили именно так, и именно так поступали их собственные наставники весь выпускной год.

— Вам ближе органическая или неорганическая химия? Быть может, вы хотите порассуждать о современных темах в науке?

Сэр Валентайн напомнил ей змея-искусителя с акварели в паноптикуме науки в Архэ. Слова положенного приветствия забылись. Хуже того — Элеонора не могла вспомнить ни одного раздела, даже из тех, что перебрала в уме ночью.

— Современные темы, — с трудом выговорила она, уцепив себя за запястье.

— Что за ужимки, леди Кэнделнайт? — прошипела мадам Катарина, сновавшая между выпускницами.

.....
¹ Curia regis (здесь) — верховный орган светской власти.

² Метрика — свидетельство о рождении.

— Прекрасно, — отозвался сэр Валентайн, не обратив на наставницу никакого внимания. — Расскажите, что вы думаете о натриевых примесях, встречавшихся в воздухе Ланданиума два десятилетия назад.

— Я думаю... — вышло неуверенно и слегка сипло. Элеонора прокашлялась и, разозлившись на себя, повторила: — Я думаю, изысканиям на сей счёт отводят слишком большую роль. Выяснить природу тумана куда важнее, нежели разобраться в примесях воздуха, который к тому же стоял над Ланданиумом давным-давно.

— Вот как. — Сэр Валентайн рукой указал на стул; блеснули перстни. — Присядьте, будьте добры. И обоснуйте свою точку зрения.

Элеонора села, лопатками чувствуя прожигающий взгляд мисс Тмин.

— Я думаю, проблемы нужно решать по мере их появления. Да, натриевый вопрос был важен, но пытаться выяснить причину обогащения воздуха натрием сегодня — это... Ну, словно крошить во вчерашний бульон рыбу, которой нет.

Сэр Валентайн усмехнулся. Элеонора обругала себя за сравнение — суп, рыба! Подобными категориями мыслят дородные матери достойных семейств. А она всё же надеялась получить на выпускном шифр и поступить на Высшие курсы. Правда, если продолжать лепетать в том же духе, шифра не видать, как иголки в тумане.

Элеонора ещё раз ущипнула себя за запястье и выпалила:

— Туман вызывает массу болезней, в том числе Massimo Foggus, каждый раз иного рода. До сих пор нет ни лекарств, ни методик того, как можно спрогнозировать Волны...

— Прогнозировать — занятие для синоптиков, — с присвистом прошептал сэр Эйтклас. — Это не вашего ума дело, леди Кэнделнайт!

— ...а почтенные сэры из Палаты изыскателей занимаются тем, что ищут, откуда в воздухе над Ланданиумом брался натрий! — запальчиво продолжила Элеонора. — Безусловно, это важно: изучать состояние среды, сравнивать прежнее и нынешнее. Но какой

смысл задумываться об этом, если мы не знаем, кто пострадает от очередной Волны и сколько из тех, кто заразился, выживет? Думать о прошлом, когда завтрашний день так непредсказуем, — совершенно нерационально ни с точки зрения...

— Вы экзаменуетесь не по философии! — снова перебил Эйт-клас.

— ...ни с точки зрения химии, ни с точки зрения общей этики. Что известно о тумане сегодня? Он провоцирует кашель и пигментацию, при длительном контакте повышает в крови уровень стимулянтов, дурно сказывается на состоянии организма, вызывает гангрену, угорью болезнь и состоит из водяного пара и химического элемента нор-эргория, о котором мы знаем лишь название, которое сами и выдумали!

Ей едва хватило воздуха на столь длинную фразу. Элеонора чувствовала, как разгораются щёки. Слова отца — о тумане, о нерациональности сэров-изыскателей — отдавались в ушах. На секунду ей показалось, что отец стоит рядом и внимательно слушает; что от того, насколько убедительна она будет сейчас, зависит его окончательное решение насчёт курсов.

— Зато о натрии мы знаем многое: процентное соотношение, распределение по годам и районам, уменьшение объёмной доли в сезон дождей и даже столь сомнительные факты, как влияние на ранние браки.

Сэр Валентайн удивлённо и почти одобрительно постучал по её метрике.

— Вижу, лорд Кэнделнайт потрудился дать вам образование, не ограниченное программой семинарии. Однако, леди Кэнделнайт, вы упускаете из виду простой факт: что именно вызвало появление тумана? Если мы временно вынесем за скобки мифологические и теологические положения, — кто знает, быть может, окажется, что среди предпосылок был и переизбыток в воздухе натрия?

— Кто знает, — хмыкнула Элеонора, сжимая и разжимая пальцы. — Правда, если бы в тумане остались следы натрия, это бы наверняка обнаружили. А так ... Влияние на туман натрия не более

вероятно, чем влияние жертв, которые фоггисты приносят своим туманным божкам.

Кто-то сдавленно ахнул. Элеонора рывком обернулась и обнаружила, что многие позабыли про экзамен и слушают их диалог. Назвать этот разговор экзаменационной беседой не смог бы даже насквозь педантичный сэр Хэйвуд.

— Не слишком ли много ответственности вы берёте на себя, леди Кэнделнайт? — поинтересовался сэр Валентайн.

— Если мы оставим предрассудки тем, кто кормится ими, как рыбы-ремни отбросами в притоках Граундривер, и взглянем на туман исключительно с научной стороны...

— То тем самым оскорбим убеждения половины сидящих в этой комнате, — перебил сэр Валентайн тоном куда более резким, чем прежде.

— Не вы ли предложили отринуть мифы? — Это прозвучало уязвлённо и куда громче, чем следовало. Спина взмокла под камлотовым платьем.

— «Временно вынести за скобки» не значит «отринуть», — осадил сэр Валентайн. — Смею заметить, что тот, кто намерен ступить на стезю исследователя — а вы, очевидно, намерены, — должен быть не только терпим к различным точкам зрения, но и не вправе игнорировать их и тем более принижать.

В шёпоте, пробежавшем по кабинету, слышалось злорадство. Обычно Элеонора высказывалась куда осторожнее. Но, расплетая косы в дортуаре, могла позволить себе запальчивость, например, споря с теми, кто утверждал, будто туман редееет, когда фоггисты приносят в жертву зелёное зерно, куропаток, рысей и «юных леди», как, округляя глаза, шептала Полли Плэйн в темноте бесконечной спальни.

В семинарии, как и во всём Ланданиуме, о фоггистах ходило немало легенд. Немудрено, что спор с сэром Валентайном вызвал негодование и — само собой — живой интерес. Задним умом Элеонора подумала, что раз уж ввязалась во всё это, нужно было хотя бы говорить тише. Но...

— В таком случае, возможно, сэр Валентайн, вы объясните, как связаны жертвоприношения и периодическая разреженность тумана? — чтобы хоть как-то спасти своё положение, бросилась в бой она. — Возможно, дело в гипервалентных молекулах?

Теперь на них смотрели во все глаза. Сэр Валентайн сложил пальцы аркой:

— Если вы понимаете, о чём толкуете, то должны понимать и то, что теория гипервалентных молекул является одной из нерешённых проблем химии. Хотя, безусловно, нельзя отрицать, что науке известны восхитительные случаи озарений. То, над чем бились умы не одного поколения, вполне может раскрыться на предварительном экзамене в образцовой женской семинарии.

Он помолчал секунду, скользнув взглядом по крохотному чернильному пятну на её манжете, и безупречно вежливо добавил:

— Ещё одна вещь, которую я позволю себе напомнить: философских и этических размышлений о природе предмета, равно как и попыток сбить собеседника с толку, недостаточно, чтобы доказать глубокие познания в науке. А потому позвольте задать вам несколько более конкретных вопросов.

Завалит.

Элеонора прочла это на его спокойном лице, прежде чем сэр Валентайн задал вопрос, первым же словом угодив в самое болезненное место.

— Сольволиз норборнильного катиона, леди Кэнделнайт. Уверен, вы знаете об этом не меньше, чем о натрии и тумане.

Разумеется, это лежало далеко за пределами программы. Разумеется, это было совершенно несправедливо. И разумеется, никто из наставниц не собирался за неё вступаться.

Прощайте, Высшие курсы; здравствуйте, сэр Хэйвуд, стылый дом в мрачном Фитц-парке, вязальный кружок, облупленный кувшин на умывальном столе, крокет по субботам и чайный клуб, где в чашку принято класть ровно два кубика рафинада, исключительно щипцами и строго правой рукой.